

Оноре де Бальзак Сарразин

Я был погружен в глубокую задумчивость, как это случается подчас со всяким, даже самым легкомысленным человеком, в разгар шумного празднества. Часы Елисейского дворца Бурбонов только что пробили полночь. Сидя в проеме окна и скрытый волнистыми складками муаровой портьеры, я без помехи мог созерцать сад особняка, где проводил этот вечер. Неясные силуэта деревьев, наполовину засыпанных снегом, смутно выступали на сероватом фоне облачного неба, слабо освещенного луной. В этой призрачной обстановке они отдаленно напоминали приведения, полузакутанные в свои саваны, — гигантское воспроизведение знаменитой «Пляски мертвецов». Обернувшись в противоположную сторону, я мог любоваться пляской живых существ! Роскошный зал, украшенный по стенам серебром и золотом, сверкающие люстры, горящие огнем бесчисленных свечей. Здесь толпились, двигались, порхали, словно бабочки, самые красивые женщины Парижа, самые богатые и знатные, самые блестящие и нарядные, ослепляющие взор игрой своих драгоценностей. Цветы на голове, на груди, в волосах; цветы, рассыпанные по ткани платья или

гирляндой извивающиеся вдоль подола. Легкий трепет, мягкие сладострастные движения, заставляющие обвиваться вокруг стройных тел кружева, блонды, газ и шелк. Изредка то там, то здесь чей-нибудь искристый взгляд на мгновение спорил с огнями люстр и блеском алмазов, разжигая и без того пламенеющие сердца. Можно было кое-где уловить многозначительный кивок любовнику и досадливую гримаску по адресу мужа. Звон золота и восклицания партнеров при каждом неожиданном повороте игры сливались со звуками музыки и рокотом разговоров. Волна ароматов и винные пары окончательно одурманивали и болезненно разжигали воображение этой толпы, опьяненной и пресыщенной всеми наслаждениями жизни. Таким образом, справа от меня была мрачная и безмолвная картина смерти, слева — едва сдерживаемое в рамках приличия вакхическое веселье. Тут — природа, холодная, печальная и словно облаченная в траур, там — люди, опьяненные радостью жизни. Находясь как бы на грани, отделяющей друг от друга эти две столь различные картины, повторение которых в бесконечном разнообразии делает Париж самым веселым и в то же время самым философским городом в мире, я был во власти смешанных, словно винегрет, чувств и мыслей, то радостных, то мрачных.левой ногой я отбивал такт музыки, а

правой, казалось, стоял в гробу. И в самом деле, правая нога моя застыла от холодного сквозного ветра, обдававшего одну половину моего тела, в то время как другая согревалась влажным теплом танцевального зала — неприятное явление, так часто имеющее место на балу.

— Господин де Ланти приобрел этот особняк недавно?

— Нет, уже довольно давно. Скоро десять лет, как маршал де Карильяно продал ему его.

— Неужели?

— У этих людей, должно быть, огромное состояние?

— По-видимому, да.

— Какой бал! Он роскошен до дерзости.

— Думаете ли вы, что они так богаты, как господа де Нюсинжен или де Гондревиль?

— Да разве вы не знаете?

Высунув голову, я увидел обоих собеседников и сразу же определил их принадлежность к любопытной парижской породе, поглощенной вопросами: «Почему?», «Как?», «Откуда он появился?», «Кто они такие?», «Что здесь происходит?», «Что она сделала?». Они понизили голос и удалились — очевидно, с целью отыскать где-нибудь укромный диванчик, где можно было бы продолжать беседовать без помехи.

Вряд ли когда-нибудь для любителей чужих

тайн открывалось более богатое поле деятельности. Никто не знал, откуда взялась семья де Ланти, что послужило источником ее огромного, оцениваемого в несколько миллионов состояния — торговля ли, грабеж или пиратство, или богатое наследство. Все члены семьи говорили по-итальянски, по-французски, по-испански, по-английски, по-немецки с совершенством, дающим возможность предположить, что они подолгу жили среди всех этих народов. Были ли они цыгане? или потомки морских пиратов?

— А хотя бы и самого дьявола! — говорили молодые политиканы. — Приемы у них прекрасные.

— Если бы я даже знал, что граф де Ланти разграбил дворец какого-нибудь африканского бея, я и то женился бы на его дочери! — восклицал какой-то великосветский философ.

Да и кто в самом деле не пожелал бы жениться на шестнадцатилетней Марианине, красота которой казалась живым воплощением фантазии восточных поэтов. Подобно дочери султана в сказке о Лампе Аладина, ей следовало бы скрывать свое лицо под покрывалом. Ее пение затмевало несовершенный талант таких знаменитостей, как Малибран, Зонтаг или Фодор, у которых какое-нибудь одно выдающееся качество всегда нарушало совершенство целого. Марианина

же умела соединить в своем пении доведенные до одинакового совершенства чистоту звука, изумительную чуткость, чувство ритма и интонации, задушевность и технику, строгую выдержанность и проникновенность. Эта девушка была олицетворением тайной поэзии, связующей воедино все искусства и неуловимой для тех, кто ее ищет. Мягкая и скромная, образованная и остроумная, Марианина затмевала всех, за исключением разве только своей матери.

Приходилось ли вам когда-либо встречать женщин, победоносная красота которых не вянет под влиянием протекающих лет и которые в тридцать шесть лет еще более привлекательны, чем они были пятнадцатью годами раньше? Их лицо отражает пламенную душу и словно пронизано светом; каждая черта его светится умом, каждый уголок кожи обладает каким-то трепетным блеском, особенно при свете вечерних огней. Глаза их, полные обаяния, притягивают и отталкивают, говорят или замыкаются в молчании; их походка полна непосредственности и утонченного искусства; в их голосе звучит неиссякаемое богатство интонаций, кокетливо нежных и мягких. Их похвалы способны игрой сопоставлений польстить самому болезненному самолюбию. Движение их бровей, малейшая искорка, вспыхнувшая в глазах, легкая дрожь, скользнувшая

по губам, внушают нечто вроде священного ужаса тем, кто ставит в зависимость от них свою жизнь и счастье. Неопытная в любви и поддающаяся впечатлению красноречивых слов девушка легко может стать жертвой соблазнителя, но, имея дело с такими женщинами, мужчина должен, подобно господину де Жокуру, уметь подавить крик боли, когда горничная, пряча его в уборной, ломает ему, прищемив дверью, два пальца. Любить этих властных сирен, не значит ли это ставить на карту свою жизнь? И должно быть именно поэтому мы так страстно их любим! Такова была графиня де Ланти.

Филиппе, брат Марианины, так же как и его сестра, унаследовал ослепительную красоту своей матери. Говоря короче, этот юноша был живым воплощением Антиноя, только более хрупкого телосложения. Но как гармонично сочетаются с юношеской незрелостью эти худощавые и изящные формы, когда смуглая кожа, густые брови и огонь, горящий в бархатистых глазах, являются залогом мужественных страстей и благородных увлечений в будущем! Если для молодых девушек Филиппе был олицетворением идеала мужчины, то их мамы также не забывали о нем, считая его одной из наиболее выгодных партий во Франции.

Красота, богатство, ум и привлекательность этих двух детей перешли к ним исключительно от

матери. Граф де Ланти был мал ростом и безобразен, с лицом, изрытым оспой; мрачный, как испанец, и скучный, как банкир. Впрочем, его считали глубоким политиком, возможно, потому, что он редко смеялся и постоянно цитировал Меттерниха и Веллингтона.

Эта таинственная семья была столь же притягательна, как поэма Байрона, неясности которой по-разному толковались каждым членом высшего общества: возвышенные и темные песнопения, выливающиеся в строфу за строфой. Скрытность, проявляемая супругами де Ланти относительно их происхождения, их прошлого и связей в четырех странах света, не должна была бы сама по себе долго вызывать удивление в Париже. Ни в одной, пожалуй, другой стране не восприняли в такой мере, как во Франции, аксиому Веспасиана. Здесь золотые монеты, даже испачканные кровью и грязью, ни в чем не уличают и все собою представляют. Лишь бы только высшему обществу был известен размер вашего состояния, и вас сразу же зачислят в разряд тех, чье богатство равно вашему; и никто не потребует у вас грамот о дворянском происхождении, ибо все знают, как дешево они стоят. В городе, где социальные проблемы разрешаются при помощи алгебраических уравнений, у авантюристов есть прекрасные шансы на успех. Даже если

предположить, что эта семья вела свой род от цыган, она была так богата и блистала таким обаянием, что высшее общество имело все основания отнестись снисходительно к ее маленьким тайнам. Но, к несчастью, атмосфера загадочности, окружавшая семью де Ланти, подобно романам Анны Радклиф, давала все новую пищу любопытству.

Наблюдательные люди, то есть люди, интересующиеся тем, в каком именно магазине вы купили ваши канделябры, и справляющиеся у вас о том, сколько вы платите за квартиру, если эта квартира им нравится, заметили, что на празднествах, концертах, балах и раутах, устраиваемых графиней, время от времени появляется какая-то странная личность. Это был мужчина. Впервые он появился среди гостей, наполнявших дом де Ланти, во время концерта. Казалось, его привлекло сюда доносившееся из зала чарующее пение Марианины.

— Мне как-то вдруг стало холодно, — сказала, обращаясь к своей соседке, дама, сидевшая недалеко от дверей.

Незнакомец, стоявший около дамы, удалился.

— Как странно! — воскликнула дама после его ухода. — Мне стало жарко. Вы, может быть, сочтете меня сумасшедшей, но я не могу отделаться от мысли, что холод шел от этого господина в

черном, который только что стоял здесь.

Вскоре страсть к преувеличениям, свойственная людям высшего света, породила и собрала вокруг таинственной личности незнакомца самые забавные загадки, самые нелепые определения и самые смехотворные домыслы. Если он не был вампиром, злым духом, пожирающим тела погребенных, искусственным человеком, подобием Фауста или Волшебного стрелка, то, во всяком случае, он, по словам любителей всего сверхъестественного, обладал свойствами всех этих человекоподобных существ. Попадались время от времени немцы, принимавшие всерьез все эти изысканные насмешки, в которых выливалось злословие парижан. Между тем незнакомец был просто-напросто стариком. Кое-кто из молодых людей, имеющих обыкновение каждое утро несколькими изящными фразами разрешать судьбы Европы, видели в незнакомце какого-то великого преступника, обладателя несметных богатств. Романисты описывали жизнь этого старика, приводя удивительнейшие подробности о зверствах, якобы совершенных им во время службы у принца Майсорского. Банкиры, как люди более положительные, считали правдоподобной иную басню.

— Ясно, — говорили они, со снисходительным видом пожимая толстыми

плечами, — этот старичок — просто «генуэзская голова»!

— Не откажите, сударь, в любезности, если мой вопрос не покажется вам нескромным, объяснить, что вы подразумеваете под «генуэзской головой»?

— Это человек, получающий огромную пожизненную ренту; от его здоровья и жизни зависят, должно быть, доходы всей этой семьи. Я помню, что однажды у мадам д'Эпар слышал, как какой-то магнетизер утверждал, будто этот старик, при внимательном исследовании всех исторических данных, оказывается, если поместить его под стекло, не кем иным, как знаменитым Бальзамо, или, иначе говоря, Калиостро. По словам этого современного алхимика, сицилийский авантюрист, избежав смерти, забавляется тем, что выделяет золото для своих внуков. Судья в Феретте, говорят, в лице этого странного незнакомца опознал графа де Сен-Жермен.

Все эти глупости, произнесенные лукавым и насмешливым тоном, таким характерным в наши дни для общества, лишенного всяких твердых верований, поддерживали смутные подозрения насчет семьи де Ланти. Да и сами члены этой семьи, благодаря какому-то странному стечению обстоятельств, давали пищу всем этим разговорам в свете уже одним тем, что окружали какой-то

тайнственностью свое отношение к старику, жизнь которого тщательно укрывали от всякого расследования. Появление незнакомца за пределами комнат, отведенных ему в особняке де Ланти, всякий раз вызывало у членов семьи большое волнение, точно это было бог весть какое важное событие. Только Филиппе, Марианина, госпожа де Ланти и один старый слуга пользовались привилегией помогать незнакомцу ходить, вставать, садиться. Каждый из них внимательно следил за малейшим его движением. Казалось, что это — волшебник, от которого зависят счастье, жизнь или благополучие всей семьи. Руководствовались ли они страхом или привязанностью? Члены высшего общества не могли найти никаких указаний, которые помогли бы им разрешить этот вопрос. Этот таинственный дух дома де Ланти, иногда по целым месяцам скрывавшийся в глубине какого-то неведомого святилища, как бы украдкой и неожиданно для всех появлялся в парадных гостиных, подобно старинным волшебницам, которые, сойдя со своих крылатых драконов, являлись, чтобы омрачить празднества, на которые их забыли пригласить. Только самым тонким наблюдателям удавалось в таких случаях уловить беспокойство хозяев, с необычайным искусством скрывавших свои чувства. Случалось, что наиболее непосредственная из всех, Марианина, в разгаре

кадрили, бросала на старика, за которым неустанно следила в толпе, взгляд полный ужаса, или Филиппе, быстро скользя сквозь толпу, направлялся к нему и оставался подле него, внимательный и нежный, оберегая его так, как будто малейшее прикосновение или дуновение грозило разбить это странное существо.

Графиня старалась подойти к нему всегда словно нечаянно; все ее движения и лицо в таких случаях выражали одновременно нежность и подобострастие, покорность и властную требовательность, она произносила несколько слов, и старик почти всегда подчинялся ее желанию: давал увести или, вернее, унести себя из бального зала. В отсутствие госпожи де Ланти граф пускался на всевозможные ухищрения, чтобы приблизиться к нему: но старик, по-видимому, неохотно слушался его, и граф обращался с ним, как с избалованным ребенком, все капризы которого мать удовлетворяет, страшась неожиданной вспышки. Нашлись смельчаки, достаточно нескромные и безрассудно легкомысленные, чтобы попытаться расспросить графа де Ланти, но этот холодный и сдержанный человек сделал вид, что не понимает вопросов. Таким образом, после многочисленных попыток, разбившихся о непоколебимую осторожность всех членов семьи, никто уже не старался проникнуть в эту так тщательно

охраняемую тайну. Великосветские шпионы, бездельники и политики, утомленные борьбой, сложили оружие и перестали искать ключ к этой загадке.

Тем не менее и сейчас в этих блестящих залах несомненно находились философы, которые, глотая мороженое и щербет или ставя на столик допитый стакан пунша, говорили:

— Я не удивился бы, узнав, что эти люди мошенники. Старик, постоянно где-то скрывающийся и появляющийся только в дни равноденствия и солнцестояния, весьма и весьма похож на убийцу...

— Или банкрота...

— Это почти одно и то же. Разорить человека иногда хуже, чем убить его.

— Господа, я поставил двадцать луидоров, — мне следует, значит, сорок.

— Возможно, сударь, но на столе их всего тридцать!

— Вот видите, какое здесь смешанное общество! Здесь нельзя даже играть...

— Вы правы... Но кстати, вот уже месяцев шесть, как мы не видели Духа. Как вы думаете, это живое существо?

— Э-э!.. Кто знает...

Эти последние слова были произнесены около меня какими-то незнакомыми мне людьми, которые

ушли как раз в тот момент, когда я подводил итог мыслям, в которых сплелись свет и тьма, жизнь и смерть. В моем воспаленном воображении, так же как и перед моими глазами, являлись то празднество в самом разгаре его великолепия, то мрачная картина сада. Не знаю, сколько времени я провел в размышлениях об этих двух сторонах медали, олицетворяющих человеческую жизнь, но меня внезапно привел в себя приглушенный женский смех. Я на мгновение застыл, пораженный картиной, представившейся моим глазам. По какому-то странному капризу природы, раздвоенная мысль, только что шевелившаяся в моем мозгу, вышла из него и стояла передо мной; она появилась из моей головы, как Минерва из головы Юпитера, великая и могучая, воплощенная в живых человеческих формах. Ей одновременно было и сто лет, и двадцать два года, она была и мертвой, и живой. Выбравшись из своей комнаты, как безумец из своей палаты, старичок ловко проскользнул за спиной гостей, увлеченных пением Марианины, как раз заканчивавшей каватину из «Танкреда». Казалось, он при помощи какого-то театрального механизма был поднят на поверхность прямо из-под земли. В течение нескольких минут, мрачный и неподвижный, он приглядывался к праздничной толпе, шум которой, должно быть, достиг его ушей. Его внимание было с такой почти